

**ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ**

КУКЛОВОДЫ
ТРЕТЬЕГО
РЕЙХА

Опасное знание

Валерий Шамбаров

Кукловоды Третьего рейха

«Алисторус»

2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шамбаров В. Е.

Кукловоды Третьего рейха / В. Е. Шамбаров — «Алисторус»,
2015 — (Опасное знание)

Могущественный Третий рейх поднялся на останках Германии, поверженной в Первой мировой войне. Но строили его не только немецкие политики, военные и промышленники. Структуры нацизма имели глубокие оккультные корни, уходящие в темные магические учения и инфернальные секты. А возвышение Гитлера и невероятные успехи его державы тайно обеспечивали и подпитывали заокеанские и европейские круги финансово-политической «закулисы». О грандиозном международном заговоре, который привел к очередной всемирной войне, рассказывает книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шамбаров В. Е., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Вместо пролога	5
1. Чему учат уроки истории?	6
2. Кто и как сеет бури?	12
3. Адольф Гитлер	20
4. Иосиф Виссарионович Сталин	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валерий Шамбаров

Кукловоды Третьего рейха

Вместо пролога

На календарях было 22 июня 1941 г. На православных календарях – 9 июня, День всех святых... Впрочем, миллионам людей сразу же с утра стало не до календарей и не до святцев. А сколько из них даже не успело подумать, какое сегодня число! Умирали во сне под рушащимися домами. Смерть косила и тех, кто выскочил из уютных постелей, ошалело метался спросонья. А в памяти других 22 июня запечатлелось не в качестве какого-то отдельного дня. Дата врезалась, как удар, переломивший жизнь на «до» и «после». Отбросивший в невозвратное и, кажется, уже нереальное прошлое все, что было раньше – радости, печали, хлопоты. Перекинувший людей в совершенно иное измерение. С иными заботами, оценками, системами ценностей.

Вся западная граница Советского Союза вдруг задвигалась, загрохотала кошмарным наваждением. Вскипела разрывами, взревела моторами, на огромных расстояниях высветилась полыхающими пожарами – и поползла. Граница ползла на восток лавинами тупорылых танков, чужой каркающей речью, явственно обозначаясь полосами и пунктирами коптящего пламени, будто гигантским факельным шествием. А по дымному небу наплывали тучи самолетов, зажигая на пути этого шествия новые города, села, машины, вокзалы, аэродромы...

Где-то еще не знали о катастрофе. Люди сладко потягивались, просыпаясь. Открывали окна и раздвигали занавески ласковым лучам солнышка. Привычно строили планы – куда пойти сегодня, какие дела предстоят на завтра. Самые неотложные, самые насущные дела, как же без них? Не зная, что их дела уже перестали быть насущными и уже отброшены за ненадобностью. Перелом жизни катился к ним по проводам связи, по радио, зазвучал вдруг из репродукторов голосом Левитана: «Сегодня в двенадцать часов будет передано важное правительственное сообщение...»

А в Москве под сводами Елоховского собора местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) обратился к затаившим дыхание прихожанам: «...Не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью он и на сей раз развеет в прах фашистскую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге перед Родиной и Верой и выходили победителями...» [31]. Говорил старый, изможденный недугами человек, но его слабый голос наполнялся какой-то иной, внутренней силой. Его слова зазвучали в других храмах России, понеслись в разные страны. На весь мир... Церковь благословляла «предстоящий всенародный подвиг». Хотя в этот день, 22 июня, только Церковь предвидела и открыто сказала, что впереди лежит именно подвиг и что ему суждено стать все-народным.

1. Чему учат уроки истории?

11 ноября 1918 г. в Компьене, в вагоне союзного главнокомандующего фельдмаршала Фоша германская делегация подписала соглашение о капитуляции. Первая мировая война корежила планету 1568 дней и ночей, наполнила трупами недра полей, горные ущелья, морские глубины. На фронтах, перечеркнувших три континента, погибло 10 млн. человек, было переранено и перекалечено около 20 млн. [27, 132]. Впрочем, эти цифры приблизительны и относятся только к боевым потерям. Сюда не входят 2 млн. христиан, вырезанных и выморенных в лагерях в Османской империи. Не входят десятки тысяч жителей Сербии, истребленных австро-германскими оккупантами. Не входят многие тысячи русских, польских, бельгийских, французских заложников, расстрелянных немцами. А миллионы людей, умерших в разных странах от голода и эпидемий, кто их считал?

Теперь над земным шаром, изнемогающим от страданий, воцарилась вдруг тишина. От нее шалели солдаты на позициях. Ни взрывов, ни выстрелов! Высовывайся из окопа, вылезай, тебя уже не убьют, ты уцелел! От тишины бойцы по ночам не могли заснуть – непривычно, будто давит на уши. Шалели и люди в тыловых городах. Больше ничто не угрожает! Можно спать и не прислушиваться, не трещит ли в темном небе мотор аэроплана или дирижабля, не упадут ли оттуда бомбы. Можно не трястись в напряженном ожидании, что прорвется враг и придется эвакуироваться, бросив все нажитое добро. Можно сесть на пароход и плыть куда хочешь, не высматривая в барашках волн перископ подводной лодки, след торпеды.

Шалели десятки миллионов мобилизованных, им предстояло снять форму, возвращаться по домам, к мирным занятиям – а они уже забыли мирные занятия и свои дома. Или домов уже не было. Шалели женщины, детишки. Снимались ограничения военного времени, отменялись продуктовые карточки. Возвращались отцы, братья, мужья. Или просто мужчины – по которым так соскучились. Крепкие, энергичные, радостные.

Мир менялся одним махом. А все понимали, что дело не ограничится прекращением огня. Жило и бурлило такое чувство, что он должен преобразиться качественно, вступает в новую эпоху. Разве могло быть иначе после перенесенных чудовищных катастроф? Неужели человечество не поумнеет? Разве моря пролитой крови и бездны страданий могут пройти бесследно, ничему не научить? Разве после таких уроков человечество не возьмется за ум, сможет как ни в чем не бывало повторять старые ошибки? Разве не пришла пора кардинально исправить их, раз и навсегда, пустить историю по иному пути, светлому и безоблачному? Эти настроения были общими, и люди искренне верили, что так и будет. Мудро, светло и безоблачно...

Действительно, брались за ум. Но у каждого был свой, персональный ум. Поэтому брались по-разному. В России даже не дождались окончания войны. Невесть откуда выныривавшие, но очень бойкие и много знающие агитаторы нашептали солдатам и матросикам, что как раз и надо браться за свой собственный ум. Зачем погибать, рисковать шкурой? А чтобы не погибать и не рисковать, достаточно нарушить присягу и скинуть царя. Что тебе присяга? Всего лишь слова! Что тебе царь? Неужели родственник? А шкура-то своя. А немцы, пришедшие на русскую землю, «братья по классу». Кого-то, может, расстреливают, кого-то грабят, но тебе лично не сделали ничего плохого.

Масонский заговор подрубил тысячелетнюю монархию, а непобедимая армия быстро стала разваливаться, отравленная и разложившаяся от пропагандистских ядов. Закувыркалась в круговерти братаний, массами сдавалась в плен – почему не сдаться «братьям по классу»? Хлынула в тыл потоками дезертиров. Но и жизнь без царя сразу покатила в пропасть. Потому что без царя в голове очень уж размашисто думалось – и оказалось, что представления о мудром и светлом будущем слишком сильно отличаются. Особенно о том, кто его будет строить

и кто руководить. Россия разделилась и схлестнулась сама с собой в таком месиве, что ужасы Первой мировой по сравнению с кошмарами гражданской выглядели лишь блеклыми цветочками [83, 144].

Посыпались в пропасти революций и проигравшие государства – Германская, Австро-Венгерская, Османская империи, Болгария. Посыпались не настолько круто, как русские. Победители не позволили, поддержали угодные им правительства. Впрочем, и в России поддерживали. Белогвардейцев, которые по-прежнему числили себя союзниками Антанты, западные державы не признавали. А большевики заключили сепаратный мир с немцами, исключили себя из списка победителей, крушили Русскую державу своими экспериментами, терроризировали. Для чужеземцев они стали самыми подходящими и полезными правителями. Французский президент Клемансо заявил предельно откровенно: «России больше нет».

А для устройства новой мировой эпохи 18 января 1919 г. открылась Версальская конференция. Здесь присутствовали делегации даже таких «стран-победительниц», как Панама или Либерия (их народы, наверно, и не знали, что они «воевали»). Но решения принимали, конечно, не они, а «великие» державы. Был образован Совет Десяти, куда вошли главы правительств десяти «великих». Это представлялось справедливым и оправданным. Светлый путь человечеству выработают и укажут самые опытные, самые мудрые политические деятели, самые сильные и богатые страны.

Правда, достичь единомыслия в «десятке» тоже оказалось слишком сложно. Но оно и не требовалось. Решения определялись не «десяткой», а «большой четверкой» – США, Англия, Франция, Италия. Внутри «четверки» сложилась «тройка» – американский президент Вильсон, премьер-министр Англии Ллойд Джордж и президент Франции Клемансо всячески старались урезать интересы Италии, а заодно и Японии. Внутри «тройки» «двойка» из США и Англии копала под Францию. А внутри «двойки» заправлял Вильсон. Он вообще чувствовал себя вершителем судеб планеты, задавал тон. Основой для переустройства мира стали «Четырнадцать пунктов», разработанные Вильсоном и его советником Хаусом [2, 133].

Конечно же, проигравшие были серьезно наказаны. Это было и разумно, и справедливо – покрепче вразумить виновников войны, а заодно принять меры, чтобы их впредь не потянуло драться. Болгарию территориально урезали, распустили ее армию, наложили на нее нереальные репарации в 100 млн. фунтов стерлингов. Австро-Венгрию вообще расчленили на части по «принципу национальностей». Османскую империю фактически лишили суверенитета, отобрали у нее Ближний Восток, Ирак, а остальную территорию поделили на зоны оккупации между Францией, Грецией, Италией. Германия лишалась всех колоний и восьмой части собственных земель. Отныне ей запрещалось иметь военный флот, авиацию, танки, химическое оружие. А армию позволялось держать не более 100 тыс. человек, причем наемную, чтобы немцы не накопили обученных резервистов. Рейнская зона, прилегающая к границам Франции и Бельгии, объявлялась демилитаризованной. Там запрещалось содержать любые вооруженные части. На немцев были наложены гигантские репарации в 132 млрд. золотых марок. А в качестве залога, до выплаты, французы оккупировали промышленные районы Саара и Рура [137].

Наряду с побежденными государствами правители Антанты самозабвенно кроили и недавнюю союзницу – Россию. Пункты Брестского договора большевиков с немцами, касающиеся раздела наших территорий, Версальская конференция в полной мере подтвердила, одобрила. Поддержала возникновение независимых прибалтийских, закавказских республик, Украины. Пыталась еще и развивать подобные тенденции, решать судьбы Средней Азии, Сибири, Севера, Дальнего Востока. Между прочим, именно в Версале по инициативе Вильсона было впервые принято предложение о передаче в состав Украины Крыма – ранее он никогда украинцам не принадлежал, они и не претендовали на полуостров.

Ну а победители себя не обидели. Хотя плоды выигрыша распределились довольно неравномерно. Львиную долю приобретений поделили англичане и французы. Франция вернула Эль-

зас и Лотарингию, утраченные в прошлых войнах, оккупировала Стамбул, распоряжалась в Малой Азии и на Балканах, в подмандатное управление ей достались Сирия, Ливан, Трансиордания. Англичане получили Ирак, Палестину, все германские колонии в Африке.

Куски разделенной Австро-Венгрии превратились в самостоятельные Австрию, Венгрию, Чехословакию. Сербию, сильно пострадавшую и понесшую большие потери, вознаградили чрезвычайно щедро. Ей передали области хоть и славянские, но совершенно разные по своим историческим судьбам, традициям, культуре – Хорватию, Словению, Боснию, Герцеговину, Македонию, объединили с союзной Черногорией. Возникло Королевство сербов-хорватов-словенцев, позже названное Югославией. А Румыния проявила себя полным нулем в военном отношении, проституировала, перекидываясь то на сторону Антанты, то Германии. Невзирая на это, ее тоже уважили. Отдали ей и австро-венгерскую Трансильванию, и российскую Бессарабию, увеличив территорию страны втрое!

Столь горячие симпатии объяснялись намерением Франции и Англии заменить румынами и югославами союз с погибшей Россией. Соперниками, в отличие от русских, они не будут, экономики этих государств подомнут под себя западные державы. А если понадобится воевать, вести полицейские операции, румыны и югославы пригодятся. Аналогичным образом взяли под покровительство Финляндию, отпавшую от России, и Польшу, слепленную из германских, австро-венгерских, российских областей.

А вот Бельгия пострадала очень сильно, героически сражалась с первого до последнего дня войны, но ей вершители судеб отвесили лишь микроскопические территориальные добавки. Обидели и Италию. В свое время наобещали ей с три короба за вступление в войну на стороне Антанты, теперь же все соглашения похерили. Дескать, воевали-то не блестяще, за всю войну почти не продвинулись. Не союзникам помогали, а их пришлось то и дело выручать. Итальянцам дали небольшой клочок прилегающей земли на Адриатическом море и позволили держать под влиянием Албанию. Перечеркнули и обещания, которые давались Японии. Ее принялись вытеснять с захваченных ею тихоокеанских островов, из Китая.

Что же касается Америки, то президент Вильсон регулировал и дирижировал, кому что дать, но для США... не запросил ничегошеньки! Чего уж размениваться по мелочам! Он нацеливался на большее. На мировое господство. По инициативе американцев в мирный договор был внесен пункт о «свободе торговли» и «снятии таможенных барьеров». Государства, ослабленные войной, конкурировать с США не могли, этот пункт означал экономическое и торговое господство американцев. Вильсон писал: «Экономическая мощь американцев столь велика, что союзники должны будут уступить американскому давлению и принять американскую программу мира. Англия и Франция не имеют тех же самых взглядов на мир, но мы сможем заставить их думать по-нашему».

Каким образом «по-нашему»? Финансовые олигархи США, чьим ставленником являлся Вильсон, разработали детальный план еще в 1916 г. Полковник Хаус, игравший при президенте роль всемогущего «серого кардинала», писал: «Надо построить новую мировую систему с образованием «мирового правительства», где будет лидировать Америка. Сделать это предполагалось пропагандой «демократических ценностей». Поставить их во главу угла, провозгласить приоритетом всей международной политики. Сама Мировая война и связанные с ней жертвы объяснялись агрессивностью «абсолютизма», недостаточной «демократией» европейских держав. Утверждение «подлинной демократии» объявлялось единственным средством предотвратить подобные катастрофы в будущем. А США выдвигались на роль мирового учителя демократии – и мирового арбитра. Они получали право влезать во внутренние дела других государств, оценивать и определять, какое из них в достаточной степени «демократично», а какое недостаточно. Читай – опасно для мирового сообщества со всеми вытекающими последствиями. Хаус убеждал Вильсона: «Мы должны употребить все влияние нашей страны для выполнения этого плана» [2, 140].

Настало время реализовать его. Усиленно насаждалась демократизация в проигравших державах: Германии, Австрии, Венгрии, Турции. Пропаганда американских установок развернулась и во Франции, Англии, Италии. А на волне этой пропаганды по решению Версальской конференции было создано первое «мировое правительство», Лига Наций. Хаус заранее настраивал Вильсона на роль главы международного органа и проводника американской линии, лгисто называл его «апостолом свободы».

Таким образом, государственные лидеры конструировали новую эпоху по-своему. Но и деловые люди по-своему прокладывали дороги в будущее. Промышленники и финансисты невиданно разжирели на военных поставках во всех государствах – и победивших, и проигравших. Чрезвычайно обогатились нейтральные страны: Голландия, Дания, Швеция, Швейцария. Франция и Бельгия, получая репарации, принялись восстанавливать хозяйство, подорванное войной. Грянул промышленный бум. Открывались новые фирмы, банки, строились предприятия. Военные заводы переходили на выпуск мирной продукции, заваливали рынок самыми современными товарами – телефонами, радиоприемниками, холодильниками, автомобилями. Бум, как это бывает, порождает и кружит всевозможную «пену»: маклеров, деляг, жулье. Увеличивалось население городов. В центры «цивилизации», где жизнь казалась богаче и ярче, стекались вчерашние солдаты, стекались эмигранты – русские, итальянцы, поляки, болгары, сербы.

А богаче и ярче жизнь казалась из-за увеселительных заведений. В войну-то их прикрывали, считали неуместными. Сейчас они плодились в куда больших количествах, чем прежде. Это тоже виделось разумным, справедливым. Надо вознаградить себя за перенесенные лишения, страхи, «затягивание поясов». Если уцелели в боине, надо пользоваться всеми доступными благами. В сознание внедрялась вроде бы очевидная истина: главная ценность, высшая ценность – это жизнь! Разве не так? Разве погибшим тепло или холодно от того, что Франция вернула Эльзас и Лотарингию? Разве им важны немецкие репарации? Нет, они догнивают на Марне, Сомме, под Верденом и Изонцо. Недолголюбившие своих подруг, почти ничего не повидавшие в короткой молодой жизни.

Значит, надо быть умнее, не отказывать себе в удовольствиях! Брать от жизни все что можешь! Чем больше, тем лучше! Прежняя мораль сносилась начисто. Внебрачные связи превращались в норму, тем более что женщин стало в избытке. Больше, чем поредевших и покалеченных мужчин. Менялись моды и вкусы. Укорачивались подолы платьев, исчезали нижние юбки, нижние кофточки, сорочки, подвязки и прочие предметы, признанные лишними. Тела становились более доступными и для обзора, и для осязания. Раньше канканы с полуголыми девицами считались экзотикой, достопримечательностью Франции. Сейчас косяки женщин скакали на подмостках всех европейских стран. И не полуголых, а уже совсем без ничего, как в бане. В театриках и варьете демонстрировались такие «изюминки», что до войны ввели бы в шок самого беспардонного развратника. Классическую музыку заглушали буйные ритмы джазов и похотливые изломы танго. На живопись и скульптуру обрушилась волна абстракции. Литература и философия полезли в темные глубины подсознания, в завлекающие и опасные трясины фрейдизма, экзистенциализма, неоязычества, антропософии и прочих «модных» теорий.

А культ героев и подвигов менялся на идеалы пацифизма. Ведь и правительства, и средства массовой информации твердили об одном и том же – отныне войн не должно быть вообще, конфликты будут решаться только мирным путем. Что угодно, только не война. Падал престиж армии. Военная служба начинала восприниматься как нечто лишнее, отрывающее от более важных занятий. Зачем она, если надо поддерживать мир любой ценой? Любой. А честь, национальные интересы, отечество – разве не «абстрактные» понятия? Главная-то ценность – жизнь... Старая, довоенная Европа с ее стандартами и традициями отбрасывалась, уходила в невозвратное прошлое.

Заодно с прочими традициями, отбрасывалось и христианство. Оно мешало жить так, как диктовала новая мораль. Выглядело устаревшим, неразумным. В окопах, перед лицом смерти, к Богу тянулся каждый. Сейчас об этом не вспоминали. Зачем вспоминать о неприятном, страшном? Веселись, наслаждайся! А в мире сияющих рекламных огней, гремящих музыкой ресторанов и зрелищных заведений, в мире ревущих моторов и животных вожделений, даже Сам Христос показался бы чуждым. Где-то и кто-то сводил религию к формальному минимуму – такому, чтобы не мешал жить в согласии с окружающим бардаком. А кто-то и совсем вычеркивал веру из обихода. Но ведь и это выглядело разумным. Есть культура, образование, наука, есть удобства и удовольствия, где уж тут место и время для архаичных пережитков?

Христианство угасало на Западе, а уж на Востоке, казалось бы, прекратилось совсем. Для строителей большевистской утопии оно представлялось не просто лишним, а враждебным. Непримируемым и противоречащим самой этой утопии. Одним из первых актов советской власти школа была отделена от церкви, а церковь от государства. Не просто отделена. Ее поставили вне общества, вне закона, лишили права собственности. Начались и расправы. Сперва как будто стихийные или за политические «преступления». Александра Коллонтай с матросами пробовала погромить Александро-Невскую лавру, убили монаха, не пустившего их и скликавшего народ. В Царском Селе расстреляли священника, благословившего казаков Краснова... Но «случайностей» и «стихийностей» становилось все больше, убивали и глумились все чаще. А правительство направляло и поощряло подобные акции.

1 мая 1919 г. Ленин издал директиву с весьма любопытным номером, 13/666, «О борьбе с попами и религией» [113]. Священников и верующих в первую очередь хватали в заложники, казнили в мясорубках «красного террора», истребляли при зачистке городов и станиц, отбитых у белогвардейцев. А в 1921–1922 г. Поволжье, Юг России, Украину, Сибирь охватил страшный голод. Ленин и Троцкий не преминули воспользоваться этим, чтобы нанести массированный и, как предполагалось, смертельный удар по Церкви. Ленин писал членам Политбюро: «Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью». «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

По храмам и монастырям двинулись отряды – якобы изымать ценности для помощи голодающим. Церковь соглашалась, добровольно отдавала все средства и богатства. Нет, это не устраивало большевиков. Обыски сопровождались повальными грабежами и богохульствами. Прихожане пробовали защитить храмы, произошли кровавые столкновения. И тут-то красная пропаганда раздула шум: дескать, попы из жадности прячут ценности, а люди умирают! По всей стране принялись громить и закрывать храмы. Показательные процессы над священнослужителями прошли в Питере, Москве, Смоленске, Чернигове, Полтаве, Архангельске, Новочеркасске... В 1922 г. только по суду было расстреляно священников – 2691, монахов – 1962, монахинь и послушниц – 3447. А всего было истреблено не менее 15 тыс. представителей духовенства, монахов, послушников, православных мирян [83].

Но можно ли считать случайным, что буквально накануне антицерковной кампании, в марте 1922 г., была созвана Генуэзская торговая и экономическая конференция, фактически признавшая правительство большевиков, открывшая широкую улицу для торговли с ними? Первыми товарами, хлынувшими из Советского Союза на запад, как раз и стали разграбленные церковные ценности. Целыми ящиками, контейнерами, вывозились и продавались по цене золотого и серебряного «лома» оклады икон, чаши, потиры. По символическим ценам 50 – 100 рублей сбывались уникальные древние иконы. Тут уж погрели руки и банкиры, и ювелиры, и частные коллекционеры. Немало православных ценностей и святынь прибрала и католическая церковь. Пускай они краденые, в крови мучеников, но отчего же не прибарахлиться по дешевке? [144]

Правда, удар по Церкви стал последней авантюрой Ленина. Человека, безрассудно занесшего руку на Господа, через месяц хватил инсульт, и он почувствовал себя тем, кем и был на самом деле. Жалким, слабеньким существом. Заливался слезами, бился в истериках, выпрашивая у Сталина яд. Но дело было сделано – Россия перестала быть оплотом мирового Православия. И в целом-то картина выглядела однозначной. Человечество собственными умами сделало выводы из прошлого, намечая и прокладывая дороги в будущее. Как подразумевалось, светлое и безопасное. Дороги получились несколько различными – американская, европейская, советская, но все они и впрямь вели в новую эру. В эру Безбожия...

2. Кто и как сеет бури?

Великий русский философ И.А. Ильин ввел понятие «мировой закулисы». Таким термином он обозначил межнациональную и межгосударственную касту крупнейших финансовых тузов, переплетенную и сросшуюся с высшими политическими кругами. Формирование этой сети начали в XVIII в. Ротшильды. Глава семейства, Майер Амшель Ротшильд, банкир из Франкфурта, разослал сыновей создавать филиалы своей фирмы в важнейшие центры тогдашней Европы – Париж, Лондон, Вену, Неаполь. Они были связаны друг с другом, сумели сформировать разведку, службу связи, и в эпоху наполеоновских войн нажили колоссальные прибыли. Кто бы ни побеждал – французы, англичане, австрийцы, – Ротшильды не оставались внакладе.

Постепенно семейная сеть обрастала новыми звеньями. Ведущие банкиры и промышленники разных стран рождались между собой, это было удобно для деловых операций, концентрации капиталов, охвата новых сфер деятельности. С теми или иными ветвями Ротшильдов вступали семейные и деловые связи германские банкиры Варбурги, британские Мильнеры, российские Бродские. Представителями Ротшильдов в США стали Морган и Шифф, выдвинувшиеся на роль ведущих банкиров Америки. Причем все эти семьи, в свою очередь, делились на ветви и переплетались с другими. Например, братья гамбургского банкира Макса Варбурга Пол и Феликс перебрались в США, вошли путем браков в компанию Шиффа «Кун и Леб». Еще один брат, Фриц, обосновался в Швеции, а двоюродные братья Варбургов обосновались в Швейцарии, стали одними из организаторов здешних банковских гнезд. Аналогичным образом возникли три ветви банкиров Шредеров – германская, британская, американская, две ветви Шахтов. К родственным хитросплетениям присоединялись Веккерсы, Гинзбурги, Гарриманы, Гульды, Рокфеллеры, Оппенгеймеры, Гольденберги [111].

Банкирские круги очень хорошо научились контролировать прессу, а через нее определять и формировать «общественное мнение». Во всех западных странах установилось влияние, а то и полный контроль этих сил над правительствами. Крупный бизнес и политика срачивались, становились двумя сторонами одной медали. А кроме родственных связей, деловые и политические круги различных государств переплетались другими – масонскими. Это тоже было полезно с практической точки зрения. Обеспечивало взаимопомощь, нужные знакомства, координацию действий. Причем масонские связи, как и родственные, были наднациональными, позволяя взаимодействовать структурам в различных государствах.

Вот таким образом к концу XIX – началу XX в. сложилось явление «мировой закулисы». Впрочем, до единства «закулисы» было еще далеко. Она оставалась далеко не монолитной. Банкирские и политические группировки разных стран сохраняли собственные интересы, соперничали между собой. Кстати, и масонские структуры весьма ошибочно представляют собой некую единой могущественной мировой сектой. Нет, это сетевая структура. Различные ложи весьма отличаются и по составу, и по идеологии, и по традициям, и по внутренним правилам. Они могут действовать вразнобой, враждовать, даже уничтожать друг друга.

Но враждуют нижестоящие. А в потаенных глубинах, на высших уровнях посвящения, эти звенья связаны. Существуют режиссеры, определяющие, за какую ниточку дернуть, какую фигуру полезнее выдвинуть, в какую сторону направить. В основе масонства лежит ложь. Соблазн принципами «братства», взаимопомощи и неких высших идеалов. Хотя в действительности «вольные каменщики» всего лишь используются. Они получают поддержку только до той степени, пока это соответствует замыслам высших иерархов. Отыгранные фигуры без всякого сожаления выбрасываются или уничтожаются – так было с и французскими якобинцами, и с российскими заговорщиками Февральской революции.

И именно высшие роли режиссеров и кукловодов заняли тузы «мировой закулисы». Поэтому истинный фундамент масонства упокоился на «трех китах». Воинствующее республиканство, темный оккультизм и интересы мирового олигархического капитала. Впрочем, все это оказывается прочно взаимосвязанным не только на мистическом, но и на чисто земном уровне. Ведь политическая нестабильность, революции, разрушение религиозной морали и эксплуатация пороков сами по себе становятся неисчерпаемыми источниками прибылей. А с другой стороны, крупный капитал выступает основным оружием для разрушительных операций [145].

В начале XX в., невзирая на серьезнейшие противоречия, различные группировки «мировой закулисы» объединили несколько целей. В так называемом «Плане Марбург», разработанном под эгидой Карнеги, выдвигалась идея «нового мирового порядка». Указывалось, что правительства разных стран должны быть «социализированы», а реальная власть будет принадлежать финансистам [111]. А кроме того, у западной финансово-политической элиты обозначилась общая противница. Россия. Как в международной политике, так и в экономике, торговле, она выходила на ведущее место в мире, превращалась в основную конкурентку США и Западной Европы. Наша страна в это время развивалась чрезвычайно энергично, создала мощную промышленную базу, лидировала в сельском хозяйстве, науке, культуре, росло ее население, сильное и здоровое. По подсчетам Менделеева, к концу XX в. оно должно было достичь 600 млн. человек... За рубежом возникали нешуточные опасения, что Россия будет определять весь ход мировой истории. Но она, ко всему прочему, оставалась самодержавной монархией, оплотом Православия. А значит, камнем преткновения для проектов «нового мирового порядка» [83].

Подспудная борьба против России велась давно. Но с 1902–1903 г. она скакнула на новый уровень. К ней подключились могущественные финансовые воротилы, подключились и профессиональные спецслужбы западных держав: германские, австрийские, британские, французские, американские. Революционеры, оппозиционеры, сепаратисты всех мастей стали получать из-за границы солидную подпитку, им помогали в организации, материальном обеспечении. В 1904 г. на Россию обрушилась первая массированная атака. На нее натравили Японию, спровоцировали войну. За японцев грозили вступить англичане. Одновременно русские тылы были взорваны революцией. А либеральная оппозиция подняла шквальный хай с требованиями реформ, усугубляя раскачку.

Но бедствие России сразу нарушило равновесие в Европе. Германия сочла, что теперь-то ей никто не помешает развернуться в полную силу, полезла придирается к французам, явно нацеливаясь на войну. Однако подобный вариант никак не устраивал ни англичан, ни американцев. Финансирование революционеров немедленно пресеклось, русских принялись мирить с японцами, выделять кредиты. Франция и Англия будто забыли о недавних нападках на царя и Россию, энергично ремонтировали и налаживали зашатавшийся было союз, рассыпались в изъявлениях дружбы.

Планы сокрушить нашу страну сочли за лучшее отложить до следующей войны. С немцами. Именно так, чтобы не опрокинулось равновесие. Одним махом убить нескольких зайцев. Сама по себе надвигающаяся война как нельзя лучше устраивала «мировую закулису». Она позволяла реализовать самые смелые геополитические замыслы, да еще и сулила сверхприбыли! К надвигающейся схватке каждый готовился по-своему. Не только наращивали и перевооружали армии. В Германии учитывали опыт 1905 г. Ведущий банкир кайзера Макс Варбург стал по совместительству одним из руководителей разведки и заранее, в 1912 г., организовал в Стокгольме дочерний «Ниа-банк» Олафа Ашберга, через который будут переводиться деньги революционерам.

А в США в том же 1912 г. крупнейшие банкиры провели на пост президента Вудро Вильсона. Он был известным ученым-историком и ярким протестантом, убежденным чуть ли не в

своей «мессианской» роли спасения Америки, а то и всего мира. Впрочем, воображать он мог все что угодно. Режиссерами, блестяще разыгравшими предвыборную кампанию, стали нью-йоркский финансист Бернард Барух – его называли «одиноким волком Уолл-стрит», и его коллега из Техаса Мандел Хаус. Поддержали Вильсона такие тузы, как Дж. Морган, Шифф, Кан, Ротшильды, Варбурги и др.

Не замедлили сказаться и результаты. В Америке из-за нехватки финансов для развития национальной промышленности действовал закон, запрещающий вывоз капиталов за рубеж. Вильсон и Хаус добились его отмены. А в 1913 г. протащили закон о создании Федеральной Резервной Системы (ФРС) – по функциям она соответствует Центробанку, имеет право печатать доллары, но является не государственной структурой, а «кольцом» частных банков, и в своих решениях независима от правительства. Воротили США заблаговременно готовились наживаться на займах и поставках сражающимся державам. Сам Вильсон демонстрировал дружбу с Англией, но вице-президентом ФРС стал Пол Варбург, родной брат Макса Варбурга. Американская «закулиса» оставляла за собой возможность регулировать и подпитывать обе стороны [111].

Начало войны стало ярким примером грязного и лживого использования масонов их высшими иерархами. Для провокации привлекли сербскую тайную организацию «Черная рука». Входившие в нее офицеры и молодежь были патриотами, но искренне верили – война пойдет только на пользу их родине. Заступится Россия, Австро-Венгрию быстренько разгромят, и на Балканах возникнет «Великая Сербия». Грянули выстрелы в Сараево, оборвавшие жизнь наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда – кстати, поборника прав славян и сторонника мира с русскими. Никто из лиц, причастных к теракту, не дожил до конца войны. Они слишком много знали.

А последствия разыгрались как по нотам. Австро-Венгрия, подзуживаемая Германией, предъявила ультиматум Сербии, заведомо невыполнимый. Потом шарахнула по Белграду из пушек и двинула войска. Россия потребовала остановить бойню, начать переговоры. При отказе решила припугнуть австрийцев, объявила мобилизацию. Но как раз мобилизация послужила подходящим предлогом для Германии. В Берлине завопили – Россия хочет напасть! Война! Правда, вышла неувязочка. Объясняли войну угрозой со стороны России, а германские армии хлынули... на запад. На нейтральные Люксембург, Бельгию, на Францию. Уж таким образом был составлен план Шлиффена – сперва бросить все силы на западные державы и быстренько разгромить их, а пока русские раскачаются, немецкая, австрийская и турецкая мощь уже развернутся и обрушится на них. Не нарушать же планы, если дипломатические отговорки не совпадают с ними.

Но русские раскачались куда раньше, чем рассчитывали германские генштабисты. И действовали они куда более умело. Блестящими победами под Гумбинненом и в Галиции они сорвала план Шлиффена, оттянули врага на себя, спасли от полного краха Францию и британские экспедиционные силы. Несколько раз спасали и Сербию, Италию. Разгромили немцев на Висле и под Лодзью, австрийцев под Львовом и в Карпатах, похоронили под Сарыкамышем турецкую армию.

Увы, отношения между союзниками по Антанте оставляли желать много лучшего. Простые англичане и французы восторгались героизмом русских, пересказывали о них легенды – самим-то до подобных успехов было далеко. Но западных политиканов эти успехи тревожили. Они отыгрывались по-своему. Союзнические обязательства превращали в баснословные спекулятивные сделки. За поставки вооружения и техники навязывали чудовищные условия. Валютные кредиты выделяли под 6 % годовых, но требовали обеспечивать кредиты русским золотом, отправляя его в Англию. Причем золото брали по заниженному курсу, а за товары драли втридорога. Навешивали еще и дополнительные обязательства – принимать обесценившиеся британские ценные бумаги, покупать не нужные России французские товары.

И первый катастрофический удар наша страна получила вовсе не от противников, а от союзников. На предстоящую кампанию 1915 г. русское военное министерство заказало на британских заводах «Армстронг и Виккерс» 5 млн. снарядов, 1 млн. винтовок, 1 млрд. патронов, 8 млн. гранат, 27 тыс. пулеметов, и другие виды оружия. Заказ приняли с отгрузкой в марте 1915 г., но не выполнили вообще [133]. Когда дошло до дела, военное министерство Англии развело руками и заявило – всю продукцию оно забрало для своей армии. Утешило, что это не беда, посоветовало передать заказ другой крупной фирме «Канадиен кар энд фаундри Ко». С ней перезаключили контракты, однако продукции опять не дождались. Потому что фирма, порекомендованная британским правительством, фактически не существовала, она обанкротилась.

Результатом стал «снарядный голод», «винтовочный голод» и «великое отступление» в 1915 г., когда нашим войскам пришлось оставить Польшу, Литву, часть Латвии, Белоруссии, Украины. Союзники в данный период совсем обнаглели. Шантажировали поставками оружия и пытались диктовать стратегические планы. Даже лезли во внутреннюю политику, давили на царя, открыто поддерживали думскую оппозицию. Но наша страна справилась и с этими трудностями. Справилась без западных союзников, сама. В годы войны она совершила гигантский промышленный рывок. Возникло 3 тыс. новых заводов и фабрик, прокладывалось более 5 тыс. км новых железных дорог. Выпуск винтовок вырос в 11 раз, снарядов в 20 раз, орудий в 10 раз – по производству артиллерии Россия обогнала и Англию, и Францию. Поражения на фронтах снова сменились победами. На Кавказе взяли Эрзерум и Трапезунд, в Галиции опрокинули неприятелей Брусиловским прорывом.

Наша страна отнюдь не надорвалась, не была обескровлена. Последняя сводка боевых потерь царской армии была представлена в «Докладной записке по особому делопроизводству» № 4(292) от 13(26) февраля 1917 г. На всех фронтах с начало войны было убито и умерло от ран 11 884 офицеров и 586 880 нижних чинов [3]. В Германии на этот же период погибло 1,05 млн. солдат и офицеров, во Франции 850 тыс. Россия готовилась к общему решительному наступлению, вооружение и снабжение теперь лились в войска широким потоком. А неприятели уже на ладан дышали, выскребали последние людские и материальные ресурсы. В армию призывали 17-летних и 55-летних. Война должна была завершиться в 1917 г....

Но ведь и в послевоенном мире лидером оказалась бы Россия, внесшая львиный вклад в победу! Она по праву взялась бы редактировать мирные договоры, пожелала бы обеспечить себе достойные выгоды, сферы влияния... Можно ли было это допустить? Внутренняя раскачка империи велась все круче. И как ни парадоксально, но оказывалось, что усилия врагов и союзников объединяются! Действуют в одном направлении. Британские и французские дипломаты вдохновляли либеральную оппозицию, великосветских и думских заговорщиков. Кипели забастовки и беспорядки. Их подпитывали и либералы, и социалисты, и большевики. Деньги щедро перекачивались от немцев, от Макса Варбурга – в нейтральный Стокгольм, Олафу Ашбергу, а оттуда – в Россию, в Сибирский банк. Впрочем, сохранились документальные свидетельства, что Германия тоже была лишь передаточным звеном. Основная доля средств на разжигание революции в России переводилась Варбургу через его родственников из США.

На финишном рывке к победе России подставили подножку. В Петрограде исчез черный хлеб, на британские и американские деньги были раздуты беспорядки. На их фоне работали заговорщики. Одни окручивали царя, парализовали ответные действия. Другие явились к Николаю II, представившись уполномоченными от Думы, никогда не обсуждавшей этот вопрос. Навязали ему отречение, подсунили на подпись список правительства – якобы утвержденного Думой, а в действительности самозванного. Зато с ходу, в рекордные сроки, это самозванное правительство признали США, Англия, Франция, Италия. А в сбитую с толку, ошеломленную армию хлынули агитаторы и шпионы, внушали – война ненужная, империалистическая. Штык в землю и по домам! Фронты затрещали и стали рушиться...

Дальнейшее доламывание также осуществлялось совместными усилиями противников и союзников. Из Швейцарии через Германию ринулся «десант» Ленина в plombированном вагоне. И в этот же день из Нью-Йорка отчалил второй десант – Троцкого. В досье британской, французской, русской контрразведок он уже значился как немецкий и австрийский агент, но успел связаться с британской МИ-6, а перед отъездом на родину получил гражданство США. Правда, в Канаде его на месяц задержали. Первым приехать в Россию и возглавить дальнейшую революцию предоставили Ленину – замаранному проездом через Германию. Свалить подрывные операции предстояло исключительно на немцев. Слишком уж грязными они выглядели [144].

Что же касается Америки, то она чрезвычайно разжирела за годы войны. Наживалась на поставках всем враждующим странам. Раньше США сидели в долгах как в шелках – в основном, у Англии, Франции. Теперь превратились в мирового кредитора. За счет эмигрантов, бегущих от ужасов войны, выросло население. Военные заказы вызвали экономический бум. Но после того как Америка пожала все мыслимые плоды нейтралитета, требовалось пожать и плоды победы. А для этого США должны были вступить в войну.

Еще за год до революции в России Хаус писал о ней вполне определенно. Указывал Вильсону, что Америка должна вступить в войну после свержения русского царя. Дескать, тогда сама война приобретет характер борьбы «мировой демократии» против «мирового абсолютизма». Нетрудно увидеть и другую сторону подобного маневра. Россия выбывала из игры, а США как бы занимали ее место. Присваивали русский выигрыш и русское положение в союзе... А уж финансовые магнаты из ближайшего окружения Вильсона позаботились и о личных выгодах. Президент понимал, кому он обязан. Кормушки раздавал щедро. Бернарда Баруха назначил экономическим диктатором, подчинил ему всю промышленность США. Евгения Майера Вильсон поставил главой Военной Финансовой Корпорации, заведовать всеми расходами. Новые должности и полномочия получили Пол и Феликс Варбурги. А командовать войсками в Европе был назначен генерал Дж. Маршалл – родственник крупных бизнесменов (и сионистов) Маршаллов.

Отношение к России в американской верхушке царило однозначное. Задолго до Збигнева Бжезинского Хаус писал: «Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны» [2]. А осколки России должны были превратиться в сырьевые придатки и рынки сбыта США. Кстати, Хаусу очень не нравилось и Православие. Он убеждал президента, что эта вера «слишком ортодоксальна», и русские вообще не являются «настоящими христианами». Для интеграции России в «новую мировую систему» Православие считалось желательным разрушить или заменить религией «наподобие протестантских» [2].

Стоит ли удивляться, что большевикам оказывалась всемерная поддержка? В Петроград была направлена весьма своеобразная миссия Красного Креста. Из 24 ее членов лишь 7 имели какое-то отношение к медицине. Остальные – представители банков, крупных промышленных компаний и разведчики. Возглавлял миссию Уильям Бойс Томпсон, один из директоров Федеральной резервной системы США. При миссии состояли и такие личности как Джон Рид, не только журналист и автор панегирика Троцкому «10 дней, которые потрясли мир», но и матерый шпион. А также трое секретарей-переводчиков. Капитан Иловайский – большевик, Борис Рейнштейн – позже стал секретарем Ленина, и Александр Гомберг – в период пребывания Троцкого в США был его «литературным агентом». Нужны ли комментарии?

Сразу после Октябрьского переворота Уильям Б. Томпсон и его заместитель полковник Робинс посетили Троцкого, и после конфиденциальной беседы с ним направили запрос Моргану – срочно перечислить 1 млн. долларов для советского правительства [111]. Зачем предпринимались все усилия и расходы, истинные организаторы революции хорошо знали. Тот же Томпсон, покинув Россию, остановился в Лондоне. Здесь он вместе с помощником Хауса

Ламотом провел переговоры с британским премьером Ллойд Джорджем, 10 декабря 1917 г. представил ему меморандум, где указывалось: «...Россия вскоре стала бы величайшим военным трофеем, который когда-либо знал мир».

Правда, большевики принялись мириться с немцами. Начали переговоры в Бресте, по сути, капитулировали. Французы и англичане были в ужасе, силились как-то помешать подписанию договора. Но не американцы. Их замыслам Брестский мир соответствовал в полной мере. Да, перед немцами открылась возможность перебросить все силы на запад. Война затянется, унесет еще сотни тысяч жизней. А державам Антанты уже не придется рассчитывать, что русские их выручат. Надеяться они смогут только на американцев. Тут-то и можно будет диктовать им любые условия.

Этот сценарий разыгрался отлично. К немцам возвращались из России пленные, они снова бросались в отчаянные прорывы то во Фландрии, то на Марне. Французы и англичане едва держались, и Вильсон заявился в Европу могущественным спасителем. К нему обращались мольбы и взоры, он важно председательствовал на всех заседаниях. А во французских и британских портах выплескивались на причалы его полчища, brave американские парни. Правда, союзные военачальники были немало разочарованы. Американцы абсолютно не умели воевать, глупо лезли под пули и снаряды, несли страшные потери – их приходилось ставить на второстепенных участках или во вторых эшелонах.

Но это было не столь уж важно. Американцев прибывало все больше, как тут не склонить головы перед Вильсоном? А для победы над неприятелем у США имелись не только солдаты. Действовали те же самые агенты, угнездившиеся в советском руководстве – распространяли революционную заразу как раз в нужном направлении, на Германию, Австро-Венгрию. В проигравших странах озаботились и банкиры с промышленниками. За годы войны они весомо округлили капиталы. Но дальше-то их ожидал разгром, разорение. А Вильсон добился от стран Антанты красноречивого заявления: война ведется не с народами, а с монархическими режимами. Намек был понят, и покатила цепочка революций – в Болгарии, Турции, Австрии, Венгрии, Германии. Власть захватывали либералы с социалистами. А чтобы победители согласились считать их властью, быстренько подписывали любые капитулянтские условия.

Америка продолжала поддерживать отличные отношения и с большевиками. Вильсон обращался с дружественными посланиями к III и IV съездам Советов, заявлял, что Америка будет помогать «народу России навечно освободиться от самодержавного режима». Хотя дело было не только в самодержавном режиме и, конечно, не в симпатиях к большевикам. Просто американцы уже хорошо научились делать бизнес на революциях. Например, компания Моргана организовывала путч в Панаме, поддерживала революции в Китае, Мексике. В подобном бизнесе всегда оказывалась тут как тут мощная компания «Америкен Интернешнл Корпорейшен», специально созданная для эксплуатации отсталых стран. Главным ее акционером был банк «Кун и Леб» Шиффа и Варбургов, а директором являлся один из компаньонов Шиффа Отто Кан. В России «гешефт» оказался куда более весомым, чем в Панаме или Мексике.

18 октября 1918 г., в самый разгар «красного террора», госдепартамент США принял план экономического сотрудничества с Советским правительством [111]. Москва тут же отреагировала, 19 октября Чичерин направил ноту Вильсону. Как доносила в Берлин германская агентура, в ней делались «предложения о предоставлении железнодорожных, сырьевых и т. д. концессий или об уступке территорий в Сибири, на Кавказе, в Мурманском крае». После этого в Нью-Йорке было создано «Советское бюро». Возглавил его Людвиг Мартенс, вице-президент фирмы «Вайнберг и Познер». «Совбюро» получало финансовую поддержку от банка Моргана «Гаранти траст» и в 1919 г. заключило с американскими фирмами контрактов на 26 млн. долл. Кроме того, в 1919 г. группа крупных американских промышленников и банкиров – Гугенгейм, Уайт, Синклер и др., создала фирму «Америкен-Рашен Синдикат Инкорпорейшн» для развития деловых связей с Россией.

Исследователи обратили внимание на любопытный адрес: Бродвей, 120. Здесь располагались офисы многих фирм, так или иначе причастных к русской революции. Например, тут базировалась банковская контора Вениамина Свердлова – брата видного большевика Якова Свердлова. А рядом с ней – контора Сиднея Рейли, британского шпиона. В США он выступал представителем фирмы Абрама Животовского – родного дяди Троцкого [122]. Здесь же находились кабинеты четверых из девяти директоров Федеральной резервной системы США (в том числе главы российской миссии Красного Креста Уильяма Б. Томпсона). Но и большинство фирм, включившихся в операции с Советской Россией, базировалось по тому же адресу – Бродвей, 120! Компании Гугенгеймов, Уайта, Синклера, «Америкен Интернешнл Корпорейшен», фирма «Вайнберг и Познер». Кстати, доводилось слышать, будто совладелец этой компании доводился дедушкой популярному телеведущему демократической России. Ну да это так, к слову.

Казалось, будто глобальные планы, вызревшие в окружении Вильсона, благополучно выполняются. Американцы выступали распорядителями в европейских и азиатских взаимоотношениях, решали споры, выправляли границы, упраздняли и создавали государства. Щупальца американских корпораций влезли в Россию, осваивая ее богатства. Мировое господство ощущалось уже вполне осязаемо, оно было в руках... И вдруг выскользнуло! Лопнуло, как мыльный пузырь. Точнее, не само выскользнуло и лопнуло. «Старая», европейская «закулиса» сохраняла немалый вес. В хитросплетениях международной политики она была более опытной, чем «молодая» американская, а в те времена превосходила и капиталами. Британские, французские, итальянские, бельгийские и прочие магнаты вовсе не для того обрушивали конкурентку-Россию, не для того громили и расчленяли германскую, австрийскую монархии, чтобы получить на свою шею диктат со стороны США.

Под Вильсона подвели мину. Он считал себя всесильным в Европе, но удар нанесли у него на родине, в США. Это оказалось совсем не трудно. В 1916 г. он с большим трудом сумел стать президентом на второй срок – чтобы выиграть на выборах, принялся спекулировать на лозунге: «Вильсон уберет Америку от войны». А почти сразу после выборов вмешался в нее. Сograждане не забыли столь откровенный обман. Ну а условия Версальского мира давали новые поводы для обвинений. Англичане, французы, сербы, румыны, поляки, получили реальные и осязаемые приобретения, а США? Выигрыш от «свободы торговли» и создания Лиги Наций был для рядовых американцев непонятен (да этот выигрыш и не касался *рядовых*). Получалось – десятки тысяч парней погибли или были искалечены за чужие, не нужные американцам интересы...

Европейские соперники Америки подпитали эти настроения, и в США против Вильсона стала разворачиваться мощная кампания. Ему ставили в вину отход от традиционной политики изоляционизма, военные издержки и потери. Предсказывали, что в случае продолжения политики Вильсона Америке снова придется решать чьи-то чужие проблемы, тратить на это средства, усилия, нести жертвы. Положение усугубилось и позицией самого Вильсона. Как уже отмечалось, он был фанатичным протестантом – и слишком много возомнил о себе. На самом деле поверил, будто ему предназначена «мессианская» роль, будто он творит «волю Божью». Он стал выходить из-под контроля воротил Уолл-стрит, самовольничать.

В результате посыпавшихся скандалов сенат США отказался ратифицировать Версальский договор, отверг вступление страны в Лигу Наций. Вильсон утратил поддержку банковских кругов, от него отвернулись обе ведущих американские партии, республиканская и демократическая, средства массовой информации поливали его грязью. Президент пытался бороться, ездить по стране и произносить речи, обратиться к народу через головы сената и партий. Но не выдержал напряжения, его хватил удар, разбил паралич, и до конца своего правления он уже не вставал с постели [46].

В выигрыше оказалась «старая закулиса». В Лиге Наций взялись безраздельно заправлять Англия и Франция. Они же делили плоды побед. Британская колониальная империя достигла максимального размаха, раскинулась на все континенты. У французов владения были поскромнее, но Париж претендовал на роль политической и культурной мировой столицы, силился лидировать в континентальной Европе. Отыгрывался за перенесенные страхи на немцах. Оби-рал репарациями, грубо осаживал и унижал при каждом удобном случае. Но и американские олигархи отнюдь не забыли своих провалившихся планов. Благоприятная возможность навязать миру новую систему оказалась упущена. Но замыслы-то были ох какими заманчивыми! Авторы анализировали свои ошибки, наловившиеся неучтенные факторы. Следовало все взвесить, внести поправки – и в следующий раз готовиться получше...

3. Адольф Гитлер

20 ноября 1922 г. помощник американского военного атташе в Германии капитан Трумен Смит прибыл из Берлина в главный город Баварии, Мюнхен. Адрес, куда он должен ехать, капитан знал – Георгенштрассе, 42. Здесь американца уже ждали. После долгой и обстоятельной беседы он составил для начальства подробный меморандум о том, что услышал: «... Парламент и парламентаризм должны быть ликвидированы. Он не может управлять Германией. Только диктатура может поставить Германию на ноги... Будет лучше для Америки и Англии, если решающая борьба между нашей цивилизацией и марксизмом произойдет на немецкой земле, а не на американской или английской...» [7]. Человека, с которым общался Трумен Смит, звали Адольф Гитлер.

Он был уроженцем австрийского городка Браунау, остался без отца, в юности отлично рисовал и мечтал стать художником. Для совершенствования своих способностей отправился в Вену, мать высылала ему содержание, вполне достаточное для жизни. Но к систематическому образованию Гитлера абсолютно не тянуло. Он варился в мутной среде недоучек, опустившихся интеллектуалов, околачивался по дешевым кафе, ночлежкам, подрабатывал писанием вывесок, иллюстрациями в газетенках. Жадно вбирал модные в то время идеи и теории [80]...

Какие именно? В начале XX в. Германию и Австро-Венгрию захлестывали мутные волны воинствующего пангерманизма. По сути, доводились до логического завершения общепризнанные в ту эпоху колониальные теории о превосходстве «цивилизованных» народов над «отсталыми», о великой «миссии белого человека» управлять миром. Пангерманисты провели еще одну градацию – внутри «цивилизованных» народов. Кто самый умный, дисциплинированный, храбрый? Конечно, немцы! Значит, им по праву должно принадлежать на земном шаре ведущее место.

Эти теории порождались отнюдь не безобидными чудаками или любителями желтых сенсаций. Это была официальная идеология кайзеровского рейха (империи). Утверждалось о «превосходстве германской расы», Франция объявлялась «умирающей», а славяне – «этническим материалом» и «историческим врагом». Начальник германского генштаба Мольтке писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более внести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством... Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий».

А начальник военно-исторического отдела генштаба Бернгарди в книге «Германия и следующая война» (она стала бестселлером, распространялась огромными тиражами) разъяснял: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно закона борьбы за существование. Нации должны прогрессировать или загнивать». Откуда вытекало – не надо избегать войны, а наоборот, надо готовиться к ней, чтобы доказать свое право на существование в «естественном отборе». «Требуется раздел мирового владычества с Англией. С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, которая уничтожила бы навсегда роль Франции как великой державы и привела бы ее к окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом».

Другой официальный идеолог, Рорбах, доказывал: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности». Ему вторил видный пангерманист Хен, писавший о русских: «У них нет

ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся... Они не в состоянии сложить дважды два... ни один русский не может даже стать паровозным машинистом... Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы... Без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов». Уже упоминавшийся Бернгарди деловито прогнозировал: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов» [133, 142].

Подобными идеями очень увлекался кайзер Вильгельм II, в 1912 г. он писал: «Глава вторая Великого Переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания *расы*». А надо сказать, что культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Его портреты красовались в каждом доме. Его изображали в статуях, о нем слагались стихи и песни. Выходили соответствующие книги, например «Кайзер и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества». В предисловии указывалось, что Вильгельм – «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние».

Сам кайзер был человеком неуравновешенным, обуянным комплексами, крайне тщеславным. Генерал Вальдерзее рассказывал: «Он буквально гонится за овациями, и ничто не доставляет ему такого удовольствия, как «ура» ревушей толпы... так как он чрезвычайно высокого мнения о своих способностях». Что ж, в ревущих толпах недостатка не было. Германского обывателя возбуждали лозунги «крови и железа», льстила «историческая миссия обновления дряхлой Европы». Пропаганду грядущей войны раскручивали многочисленные организации: «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны», «Югендвер», «Юнгдойчланд бунд» и т. п. На торжественных шествиях студенты или бюргеры браво маршировали в ногу, горлалили песню «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!» («Германия, Германия превыше всего»).

Возникали планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Малая Азия, Польша, Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. Россию следовало отбросить в границы допетровской «Московии», отобрать у нее Прибалтику, Белоруссию, Украину, Крым, Кавказ, превратить Черное море в «немецкое озеро». Все это соединялось с «Германской Центральной Африкой» – ее предполагалось образовать за счет португальских, бельгийских, французских, британских колоний. Предусматривалось распространение влияния на Южную Америку – в противовес США. А через Турцию намечалось двигаться на просторы Азии: Иран, Афганистан, Индию. Кайзер позировал в турецкой феске и объявлял себя покровителем мусульман всего мира [3].

Агрессивный ажиотаж охватывал в эти годы подавляющее большинство немцев, австрийцев, венгров. Социалисты, например, провозглашали себя оппозицией. Но завоевательные устремления поддерживали и они. Доказывали, что Германия передовая держава, значит, и завоевания «отсталых» стран будут прогрессивными, пойдут только на пользу человечеству. А царская Россия представлялась главным тормозом на пути прогресса, война против нее в любом случае одобрялась. Не оставались в стороне религиозные организации. Православная Россия оказывалась врагом и для католиков, и для протестантов. И уж тем более для радикальных сектантов, всевозможных оккультных течений.

А корни подобных течений в Германии и Австрии были ох какими давними! Еще в раннем Средневековье здесь активно поработали проповедники манихеев и гностических сект, ездившие из города в город под маскировкой «вольных ткачей». В XI в. высшие слои германской знати охватила сатанистская ересь николаитов. В «черных мессах» и свальных оргиях участвовали самые высокопоставленные аристократы и дамы, возглавлял грязные обряды сам император Генрих IV. Среди простонародья возникали тайные организации катаров, вальденсов. Потом из Святой земли вернулся Тевтонский орден рыцарей-крестоносцев. На Ближнем

Востоке он не удержался. Потрепали мусульмане, вытесняли и соперники, французы с англичанами. Крестоносцы обосновались у Балтийского моря, принялись отвоевывать у язычников Пруссию, Померанию, Прибалтику. Но так же, как их коллеги из ордена тамплиеров, они принесли с Востока тайные учения, практиковали в своих замках далеко не христианские магические ритуалы.

Ну а в начале XVII в. по германским землям стали расходиться два манифеста ордена розенкрейцеров. Это сообщество обращалось к сокрытой мудрости древних язычников, к мистериям древнего Египта, Вавилона, Греции. На основе этих учений выворачивалось и христианство, евангельским сюжетам придавался переносный смысл, и утверждалось, что человек, усвоивший спрятанные от непосвященных магические знания, может стать Богом. Ему откроется общение с некими «Высшими Неизвестными», власть над силами природы и всем миром, путь к бессмертию.

В германских пожарищах религиозных войн католики и протестанты остервенело истребляли друг друга. В изуверском ажиотаже инквизиция и лютеранские судьи одинаково увлеченно сжигали ведьм и колдунов. Но розенкрейцеры избегали подобных гонений. Алхимия, астрология и прочие оккультные знания вызывали повышенный интерес у властителей. Обладателей «мудрости» брали под покровительство германские императоры, прусские короли. Розенкрейцеры соединились с масонами и сами породили несколько масонских течений.

Еще одна тайная организация возникла в 1776 г. в Баварии – орден иллюминатов. В переводе с латыни это значит «просвещенные». Но не исключено и иное толкование: «люди света», «несущие свет», а «светоносный» – имя Люцифера. Наверное, не случайно датой рождения ордена было выбрано 1 мая, магический «Мэй-дэй», Вальпургиева ночь. Иллюминаты поставили перед собой задачи уничтожения монархий, религий, институтов семьи и брака, слом всей традиционной морали. А также всеобщую глобализацию со стиранием государственных границ и национальностей. В отличие от других масонских организаций, иллюминаты широко привлекали женщин, считая их важным инструментом для осуществления своей деятельности. Все члены ордена обязаны были иметь клички. Его основатель Адам Вейсгаупт взял себе имя «Спартак».

Как раз от иллюминатов произошли французские якобинцы. Впрочем, встречаются упоминания, что с ними были связаны и Рокфеллеры. В Баварии столь радикальный орден был запрещен, за принадлежность к нему полагалась смертная казнь. Многие иллюминаты эмигрировали в Америку, выдавая себя за протестантов или иудеев. Но и в Германии оккультные структуры не исчезли. В какую-то сатанистскую секту входил в юности Карл Маркс. А иллюминаты в Баварии со временем возродились. От их праздника 1 мая берет начало «День международной солидарности трудящихся». К этому ордену принадлежал видный революционер и миллионер Парвус (Гельфанд). Именно он раскручивал начало атаки на Россию, налаживал в Мюнхене выпуск газеты «Искра», создавал вокруг нее новую партию. Парвус привлек в орден своего ученика Троцкого, еще ряд революционеров.

Хотя большинство немецкой интеллигенции, офицеров, знати отнюдь не стремились к «стиранию национальностей». Наоборот, среди них бушевали расистские и националистические настроения, увлечения «германскими истоками». Огромной популярностью пользовалась книга Ницше «Так говорил Заратустра». Кстати, в современных учебниках философии его упоминают в числе выдающихся мыслителей. Доказывают, будто в трудах Ницше не было ничего плохого и опасного, они, дескать, представляли лишь протест против существующей «ханжеской морали». Что ж, Ницше и впрямь был утонченным, слабым человеком, и умер довольно молодым – в психиатрической лечебнице. Но его работы были протестом не против «ханжеской», а против христианской морали. Они антихристианские.

Воспевали жестокость, волю к власти. «Добей упавшего». «Отвергни мольбу о пощаде». «Война и смелость творит больше великих дел, чем любовь к ближнему». Идеал – «белоку-

рая бестия». Идеал антихристианский. Бестия означает «зверь». То есть антихрист. Зато положения Ницше выглядели крутыми, воинскими. Их воспринимали, будто они и в самом деле «древнеарийские». На эти искания наложились и работы Елены Блаватской. В германской интеллектуальной среде они стали еще одним повальным увлечением. Заговорили о поисках «прародины ариев», «мудрости ариев».

Поисками этой мудрости увлеклось даже духовенство. Настоятель австрийского монастыря Ламбах Теодор Хаген совершил большую поездку по Кавказу и Ближнему Востоку, привез множество старинных рукописей. Их взялся изучать цистерцианский монах Йорг Ланс фон Либенфельс. Настолько впечатлился, что порвал с католицизмом, создал в Вене «Орден нового храма». Увлекались и военные. Среди германских советников при японской армии служил Карл Хаусхофер. Он углубился в самурайские оккультные учения, был посвящен в тайный орден «Зеленого Дракона». Ему открылся доступ в закрытые буддийские монастыри, он побывал в Тибете, изучал черную религию бон.

Прощетали и старые ордена масонов, розенкрейцеров, каббалистов. Но немецким интеллектуалам казалось несправедливым заниматься только египетскими и древнееврейскими премудростями. Их соединили с рунической магией, а заодно и с откровениями Блаватской, Либенфельса и иже с ними. В 1908 в Вене возник новый орден фон Листа, а от него по Германии распространилась «Ложя Вотана». Она строилась по образцу масонских, но наполнялась германским языческим содержанием. В 1912 г. она была преобразована в более широкий Германский орден – подразумевалась его преемственность и от розенкрейцеров, и от Тевтонского ордена крестоносцев. При этом, разумеется, поддерживались политические установки крестоносцев: натиск на Восток, покорение «неполноценных» народов. Разве что акценты сместились. Крестоносцы завоевывали земли под предлогом крещения язычников. А сейчас христианство отвергалось ради утраченных языческих ценностей. Вместо креста на эмблемах Германского ордена и прочих подобных обществ появились руны или знак свастики.

Вот в такой атмосфере варился молодой Гитлер. Через много лет, задним числом, престарелый экс-монах Либенфельс объявлял его своим последователем, даже учеником. Хотя тут почтенный патер попросту привирал, пыжился выставить самого себя фигурой мирового уровня. Брошюры Либенфельса Гитлер судя по всему, читал, но глотал и другое подобное чтиво, слушал всевозможные рассуждения, и оккультные, расистские, геополитические идеи перемешивались в молодой голове [97].

Пангерманизм он воспринял близко и болезненно, поэтому войну встретил с энтузиазмом, впоследствии писал, что «само существование германской нации было под вопросом». Но сражаться за разношерстную империю Габсбургов, зараженную «славянством» и «еврейством», не желал, от призыва в австро-венгерскую армию уклонился. Перебрался в Мюнхен и подал прошение зачислить его добровольцем в германскую часть. Ходатайство удовлетворили, а в армии ему понравилось. Один из офицеров потом вспоминал, что полк стал для него «словно дом родной». Сам он писал: «Я оглядываюсь на эти дни с гордостью и тоской по ним». В составе 2-го Баварского полка Гитлер попал на Западный фронт, во Фландрию. Он заслужил репутацию образцового солдата, выполнял обязанности связного. Доставлял по назначению приказы и донесения под самым жестоким огнем, за это был награжден Железным крестом II степени.

Но война состояла не только из боев и подвигов. Уже тогда, в Первую мировую, немцы отметились на оккупированных территориях страшной жестокостью. Но ведь это полностью соответствовало популярным трудам Ницше. Соответствовало и чисто рациональным соображениям: требовалось настолько запугать население, чтобы о каком-либо сопротивлении не возникало даже мыслей. «Превентивный террор» признавался вполне целесообразным, его внедряли целенаправленно по распоряжениям кайзеровской ставки, командующих армиями. В бельгийских, французских, польских городах грохотали расстрелы заложников. В Аэршоте

казнили 150 человек, в Анденне 110, в Белгстуне 211, в Тилине 384, в Динане 612, в Намюре примерно столько же. Города и села, признанные в чем-либо виновными, сжигались дотла, население полностью уничтожалось – в Вавре, Визе, Рокруа. В Лувэне на глазах иностранных корреспондентов расстреливали и кололи штыками женщин, священников.

В Сербии австрийцы и венгры бесчинствовали еще более свирепо. Оставляли за собой сожженные деревни с горами трупов, вереницами повешенных, и называли это мстью за убийство Франца Фердинанда. Впрочем, они зверствовали и на собственной территории. Когда русские вступили в Галицию, большинство жителей встретило их с радостью. Возвратив эти земли, австрийцы учинили массовые расправы. Перевешали православных священников, казнили и поролы крестьян, а специально для «русофильской» интеллигенции был создан концлагерь Телергоф, оттуда не возвращался никто [19].

Ну а в Османской империи были приняты программы истребления целых народов. Младотурецкое правительство пришло к выводу, что христианские подданные симпатизируют русским (или французам, какая разница?). Если же их уничтожить, можно пополнить казну конфискованными богатствами, прихватить христианские земли, предприятия, торговлю. В 1915 г. развернулся геноцид армян, айсоров, халдеев, сирийских христиан. Колонны людей сгоняли в горы, в места, намеченные для бойни, резали или расстреливали. Другие колонны вели пешком за сотни километров, по зною, без еды и воды, устилая трупами дороги. А те, кто выдержал эти муки, очутились в концлагерях Дейр-эз-Зор, где и вымерли от голода.

Задолго до рождения нацизма разрабатывались и программы переустройства мира, «германизации» захваченных земель. Первым полигоном для подобных экспериментов стали западные области России, оккупированные в 1915 г. Возглавил эту работу начальник штаба восточного фронта генерал Людендорф. По воспоминаниям современников, он «изучал демографическую статистику, как боевые сводки». В рамках намеченных проектов поляков и русских предполагалось куда-нибудь депортировать, а верхушку литовцев и латышей «огерманить». Для этого все русские, польские, латышские, литовские учебные заведения закрывались, преподавание разрешалось только на немецком языке. Он признавался единственным официальным языком на захваченных землях. Все вывески требовалось писать только по-немецки, говорить в административных и общественных учреждениях только по-немецки. Для более успешной «германизации» планировалось направлять на восток немецких переселенцев, отдать им земли русских хозяев и Православной Церкви. Ну а прочим, «негерманизированным» жителям предназначалась участь рабов. Их грабили повальными реквизициями, забирали на принудительные работы в Германию – из одной лишь Бельгии вывезли 700 тыс. человек.

Но планы нового порядка быстро стали неактуальными. Россия и ее союзники устояли, наращивали удары. А Германия надрывалась, изнемогала. Население недоедало, не хватало самого необходимого. С фронтов приходили извещения о гибели то мужа, то сына. Гитлер в октябре 1916 г. был ранен в ногу. После излечения ему дали отпуск, он побывал в Берлине и Мюнхене, и царившие там уныние, пораженческие настроения произвели на солдата ужасное впечатление. Именно тогда ему пришла мысль после войны заняться политикой. В полк он вернулся с радостью, «как в родную семью». В сражениях 1918 г. во Франции был награжден грамотой за храбрость и Железным крестом I степени. Эта награда по рангу считалась офицерской. Солдат, заслуживших ее, направляли в училища, на офицерские курсы или, по крайней мере, производили в унтер-офицеры. Но, по иронии судьбы, начальство сочло, что Гитлеру не хватает «командирских качеств». Он остался ефрейтором, попал под обстрел химическими снарядами, ослеп. Его едва сумели вылечить. А когда выписался из госпиталя, Германия уже рушилась.

Спасать и возрождать ее различные круги намеревались по-своему. Радикальные революционеры получали из Советской России деньги, инструкторов, формировали отряды «спар-

таковцев» – это название было принято в честь основателя иллюминатов «Спартак»-Вейсгаупта. Вожди германских большевиков – Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин и др. – тоже принадлежали к этому течению масонства. Умеренные социал-демократы прощупывали контакты с англичанами, американцами. А патриоты из «Германского ордена» приходили к выводу: немцы утратили свою мистическую силу, потому что нарушилась чистота нации, она засорилась низшими расами. Надо очиститься и заново обрести магические ключи к победам. Орден взялся открыто вербовать сторонников, даже разместил объявления в газетах, зазывая белокурых и голубоглазых.

Это объявление попало на глаза барону фон Зебботендорфу. Точнее, он был отъявленным авантюристом по фамилии Глауэр. Привлекался к суду за мошенничество и подделку денег, бродяжничал. Очень интересовался оккультизмом и в Турции пристроился к богатому еврею Термуди, учился каббалистике и прочим подобным дисциплинам, получил масонское посвящение в ложе «Французский ритуал Мемфиса». Стал зарабатывать астрологией, оккультными лекциями, организацией соответствующих кружков. В Германии Глауэр появился состоятельным человеком, бароном. Хотя титул барона фон Зебботендорфа он себе придумал, а происхождение его денег неизвестно. Может, выгодно женился, а может, поживился на геноциде армян. Или просто пускал пыль в глаза.

Во всяком случае, Глауэр-Зебботендорф встретился с лидером «Германского ордена» Полем, произвел благоприятное впечатление, и ему было поручено создать филиал в Баварии. Авантюрист оказался отличным организатором, на вербовал полторы тысячи человек. Нашел и средства. Штаб-квартиру устроили в фешенебельной гостинице «Четыре времени года», украсили изображениями свастики с кинжалом. Название сочли за лучшее сменить на «Общество Туле». Официальными задачами провозглашалось изучение древней германской истории и культуры. Хотя подобными изысканиями общество не ограничивалось, оно нацеливалось на политику.

Зебботендорф приобрел газетенку «Мюнхенер беобахтер» («Мюнхенский обозреватель»), редактором стал член «Туле» спортивный журналист Харрер. Газету потом переименовали в «Фелькишер беобахтер» («Народный обозреватель»). Самозванный барон задумал развернуть агитацию и среди рабочих. Тот же Харрер и другие члены общества, инженер Федер и слесарь Дрекслер, стали создавать «Комитет свободных рабочих за хороший мир» – через несколько месяцев он превратился в «Немецкую рабочую партию». Революцию в Германии Зебботендорф воспринял как чудовищную катастрофу, призвал последователей на подвиги во имя языческой «троицы», «Вотана, Вили и Ве», бога Вальватера, руны Ар. Доказывал необходимость бороться, «пока свастика не воссияет над холодом темноты».

Но газетенка и рабочая партия «Туле» никак не могли конкурировать с коммунистами. В Мюнхене взяли верх «спартаковцы», была провозглашена Баварская советская республика. Красногвардейцы разгромили штаб-квартиру «Туле», захватили секретаршу, графиню Вестарп. Еще шестерых высокопоставленных членов общества арестовали в других местах и всех расстреляли. Оккультисты хотели мстить, готовили теракты против спартаковских руководителей, но не преуспели. Германское правительство стянуло регулярные части и отряды добровольческого «Фрайкора», за неделю покончило с Баварской республикой. Однако после этого на Зебботендорфа покатались обвинения в небрежном хранении списков организации, из-за чего произошли аресты. Всплыла вдруг и пропажа общественных денег, барон их якобы потерял. Он предпочел убраться в Вену, а вчерашние товарищи исключили его из «Туле».

Что же касается Гитлера, то его после госпиталя направили служить конвойным в лагерь военнопленных в Траунштейтене. Но в марте 1919 г. пленных освободили, и ефрейтор оказался не у дел. Армию распускали, офицерам и солдатам предоставили устраиваться как угодно или подыхать с голоду. А как тут устроишься, если выплеснулись миллионы безработных в шинелях? Они разбойничали, кончали с собой, текли в революционные или контрреволюци-

онные отряды. Сохранилась фотография, свидетельствующая, что и Гитлер вступил во «фрайкор», воевать с большевиками [80]. Но в боях не участвовал, об этом наверняка стало бы известно.

Гражданская война в Германии оказалась короткой, красные мятежи раздавили быстро. У военных сохранялась надежда, что Антанта смилостивится, сохранит немецкую армию против Советской России. Но эти надежды не оправдались, подтверждались требования разоружаться. Демобилизованным приходилось туго. Например, будущий начальник нацистских спецслужб Генрих Гиммлер был вынужден жить на содержании проститутки Фриды Вагнер, потом поехал на поклон к отцу, с которым был в ссоре, и тот принял его управляющим на птицеводческую ферму. Будущий рейхсмаршал авиации Герман Геринг сумел каким-то образом сберечь свой самолет и зарабатывал на ярмарках, катал за деньги состоятельную публику. Другому военному летчику, будущему начальнику гестапо Мюллеру повезло больше – его приняли рядовым сотрудником в баварскую полицию [39].

У Гитлера пристанища не было. Он вернулся в Мюнхен, в опустевшие казармы своего 2-го баварского полка, и офицеры оценили его верность, разрешили пожить – заодно будет кому прибирать казармы, помыть полы. Участие в судьбе Гитлера принял капитан Эрнст Рем. В армии царила полная неразбериха, ее реорганизовывали в профессиональный рейхсвер. Офицеры выискивали лазейки, а нельзя ли увильнуть от версальских условий? Сохранить некую «скрытую» армию? Рем служил в штабе баварского командующего фон Эппа и в рамках подобных проектов предложил создать курсы «бильдунгсофицеров» – «офицеров-воспитателей», что-то вроде пропагандистов (но слово «офицер» в названии было условным, офицерских званий курсы не давали). На эти курсы Рем направил и Гитлера.

Окончив их, ефрейтор был прикомандирован к политическому отделу баварского рейхсвера. Но опять на птичьих правах. Штатных должностей для него не было, оплаты он не получал, только кормили по солдатской норме и сохраняли за ним койку в казарме. Функции самого политического отдела оставались совершенно неопределенными. Хотя политическая жизнь в Германии бурлила вовсю. Возникали многочисленные партии, о большинстве из которых никто не знал за пределами «своей» пивной. Тут были и националисты, и демократы, и сепаратисты. Ведь со времени объединения Германии в 1870 г. прошло всего полвека, вот и шумели, не лучше ли снова разделиться?

12 сентября 1919 г. начальник Гитлера капитан Майр послал его в пивную «Штернекерброй», где происходило собрание Немецкой рабочей партии Дрекслера. Просто разузнать, что это за организация, изобразить какую-нибудь работу. Партия была та же самая, которую создавали активисты общества «Туле». Дрекслер успел написать брошюру «Мое политическое пробуждение», а в соавторстве с Федером еще одну – «Как сбросить ростовщичество?» Но без энергичного и пронырливого Зеботтендорфа все пошло наперекосяк. В партии насчитывалось 85 членов, а на собрании было 46. Один из ораторов повел речь об отделении Баварии, и Гитлера задело за живое, он выступил с горячей отповедью. Его первая в жизни речь понравилась Дрекслеру. Слесарь подарил ефрейтору свою брошюру, а через несколько дней прислал открытку, что тот принят в партию (без всякого заявления со стороны Гитлера).

Однако он согласился. Он уже понял, что в политическом отделе перспектив у него нет. Рем поддержал его. А у Гитлера неожиданно обнаружились таланты оратора. Это привлекало людей. Микроскопическая партия стала расти. В октябре 1919 г. в пивной «Хофбройхаузеллер» Гитлера слушало 100 человек, потом – 200, а в феврале 1920 г. он уже снял для митинга самый большой зал этой пивной, собралось 2000. Его козырем стали и связи с военными. Рем выхлопотал из фондов Баварского военного министерства 60 тыс. марок. На эти деньги Гитлер выкупил и реорганизовал захиревшую газету «Общества Туле» «Фелькишер беобахтер», она стала партийным органом. А сослуживцы Рема смогли воплотить идеи о «скрытой армии», при партии стали создаваться штурмовые отряды.

Рем обеспечил их формой с армейских складов, раздобыли и кое-какое оружие. Ведь излишки военного имущества все равно предстояло сдать победителям или уничтожить – и офицеры по знакомству отдавали его. А форма и военизированные отряды привлекали внимание, выделяли партию из других. 8 августа 1921 г. Немецкая рабочая партия объединилась с Немецкой национальной социалистической партией Юнга и Немецкой социалистической партией Шлейхера – возникла Национал-социалистская немецкая рабочая партия, НСДАП. Ее программу, «Двадцать пять пунктов», составили Дрекслер, Гитлер и Федер. Она носила революционный характер, провозглашала борьбу за блага простого народа, призывала прижать толстосумов, промышленников, крупных землевладельцев. Партийный флаг был красным, но украшала его свастика в белом круге. Магический знак огня и жертвенника. А насчитывалось в партии 3 тыс. человек.

Хотя что такое 3 тыс. человек? Такие партии плодились в Германии сотнями. Рождались и исчезали, едва успев заявить о своих программах. Тем не менее, во всей этой разношерстной мешанине Гитлер уже попал на заметочку, на него обратили внимание. Конечно, американский капитан, навестивший его осенью 1922 г., был не ахти какой величиной. Но стоит учесть, что по «дипломатической традиции» помощники атташе обычно занимаются делами разведки. Офицер получил чей-то приказ, ехал из Берлина в Мюнхен, тратил деньги, время, составлял отчет.

Что же привлекло заокеанских наблюдателей? Что выделило нацистов из множества подобных? Энергия? Агрессивность? Связь с армией? Или с оккультными учениями и структурами? Во всяком случае, капитана Трумена Смита и его начальство не отпугнули явно «антидемократические» идеи Гитлера. А дальнейшие события показывают, что встреча не прошла бесследно. Бывший канцлер Германии Брюнинг в мемуарах, которые он разрешил опубликовать только после своей смерти, сообщал: «Одним из главных факторов в восхождении Гитлера... было то обстоятельство, что он начиная с 1923 г. *получал крупные суммы из-за границы*» [7]. От кого? И через кого? Один из исследователей, М. Голд, в своей работе «Евреи без денег», вышедшей в 1945 г. в Нью-Йорке, указывал, что в этих операциях был замешан банкир Макс Варбург. Тот же самый Варбург, через которого финансировалась революция в России.

4. Иосиф Виссарионович Сталин

План «мировой закулисы» в отношении России был выполнен. Она лежала в руинах, потеряла огромные территории. Первокласные до революции промышленность и транспорт были разрушены. За годы гражданской войны в боях, от эпидемий, голода, террора погибло 14–15 млн. человек. Еще 5–6 млн. унес голод в 1921–1922 гг. Только погибшими Россия потеряла 12–13 % своего населения. Не считая подорвавших здоровье, раненых, искалеченных. И морально искалеченных [83].

Все это сопровождалось невиданным по своим масштабам разграблением нашей страны. Английские, французские, американские, японские интервенты вывезли с Русского Севера, из Закавказья и Сибири огромные ценности. За рубеж уплывали меха, нефть, лес, золото. Правда, Красная армия разбила белогвардейцев, легко одолела отделившиеся от России новые республики – украинских петлюровцев, азербайджанских мусаватов, армянских дашнаков, грузинских меньшевиков. Зарубежным покровителям национальных образований пришлось убраться. Столь же легко красные могли покончить с республиками Прибалтики, но Троцкий предпочел договориться с ними. Они ударили в спину белогвардейцам, принялись убивать русских, лютой зимой 1920 г. выморили в концлагерях тысячи гражданских беженцев, отступивших на их территорию. За это с Эстонией и Латвией был заключен мир, Троцкий отдал им дополнительные приграничные районы, а Таллин с Ригой превратились в «таможенные окна». В Россию через них потекли западные товары, а из России – сырье и ценности.

Столь же необъяснимым образом Троцкий получил в 1920 г. назначение наркомом путей сообщения. В новой должности он сразу же отметил, что поднял шумиху о катастрофической нехватке паровозов. В России имелись мощные заводы по их производству, они простаивали. Но заказ на паровозы почему-то разместили не на отечественных предприятиях, а в Германии, Эстонии и Швеции (хотя в Эстонии и Швеции даже не было соответствующих заводов!). Под маркой оплаты фиктивного заказа стали вывозить золото, из Таллина и Риги снаряжались специальные пароходы! Очевидно, большевики расплачивались со своими тайными покровителями и кредиторами. Дорожка была уже протоптанной, найденной. Раньше средства поступали через шведский «Ниа-банк» Олафа Ашберга. Теперь Ашберг предлагал всем желающим «неограниченное количество русского золота». В Швеции золото переплавлялось и уже с другими клеймами растекалось по свету. Львиная доля – в США. Только за 8 месяцев 1921 г. в Америку было доставлено золота на 460 млн. долл. Из них в сейфах банка «Кун и Леб» осело 102,9 млн., изрядно перепало и Моргану. Приятель Троцкого, журналист и шпион Джон Рид, был в марте 1920 г. задержан в Финляндии с чемоданом бриллиантов, но тут же вступился госдепартамент США, и его отпустили [111].

Предметом грязных махинаций стал и голод в России. В ЦК РКП (б) работу по линии помощи голодающим возглавил тот же Троцкий. Через него были заключены соглашения с американской ассоциацией АРА и рядом крупных бизнесменов, через них стало закупаться продовольствие, главным образом зерно... Но в том-то и дело, что зерно в России было! Ведь не во всех регионах случился неурожай. Хлеб в 1921–1922 гг. собирали в виде продразверстки, потом продналога. И... отправляли на экспорт! А в Россию везли из-за рубежа. Поневоле напрашивается вывод, что «прокручивалось» одно и то же зерно. Скупали по дешевке в России, потом переписывали сопроводительные документы и снова продавали России! [144]

Даже в годы гражданской войны на Западе постоянно находились высокопоставленные эмиссары большевиков. В Лондоне – Литвинов (Валлах), в Швейцарии – Залкинд. Вели переговоры, заключали тайные сделки. А потом связи вышли на официальный уровень. В 1922 г. для финансовых операций с западными державами Советское правительство создало Роскомбанк (прообраз Внешторгбанка). И возглавил его... Олаф Ашберг! Иностранцам широко раз-

давались концессии – русские заводы, фабрики, рудники. Американцам перепродали (или, точнее, подарили) российские нефтяные разработки на Севере Ирана. Да что там Иран! Чуть не отдали всю Камчатку «для экономической утилизации»! Даже соглашение уже подписали, но японцы пронюхали и сорвали сделку, подбили камчатских и дальневосточных белогвардейцев на восстания. Тем не менее, раздача концессий успешно продолжалась, и заведовал данным направлением снова Троцкий! Он открыто провозглашал: «Что нам здесь нужно, так это организатор наподобие Бернарда Баруха» [24].

А для русского народа внедрялись проекты повальной «коммунизации» крестьян, «трудовых армий». На X съезде РКП(б) Троцкий строил планы: «С бродячей Русью мы должны покончить. Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба, неподчинение и недисциплинированность караться тюрьмой и смертью». Его полностью поддерживал теоретик партии Бухарин: «Принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Вот и складывается картина, какой должна была стать Россия. Подобием единого концлагеря. Затерроризированное население покорно трудится, поощряясь «куском хлеба». Трудится, вроде бы, ради светлого будущего. Но прибыли откачивали присосавшиеся к России чужеземцы!

Кто мог бы противостоять этому? В коммунистической партии лидировало и определяло политику ядро «интернационалистов», угнездилась целая плеяда агентов «мировой закулисы» – Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Ларин, Радек, Красин, Раковский, Ганецкий, Крупская и др. Но в количественном отношении большинство партии составляли не они, а множество простых людей, искренне соблазненных строительством «земного рая». Солдаты, рабочие, крестьяне. Они о потайных интригах не ведали, зла своей стране не желали. Наоборот, записывались в Красную армию, чтобы бить и выгонять чужеземцев. Из них стало складываться другое крыло партии, патриотическое. Его лидером стал Иосиф Виссарионович Сталин.

Он родился в 1879 г. в бедной грузинской семье, рано осиротел. Растила Иосифа Джугашвили мать-поденщица, мечтала, чтобы сын стал православным священником. Он с отличием окончил Горийское духовное училище, поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Увлёкся поэзией, писал стихи, публиковал их в газете «Иверия», ходил в литературные кружки. Но литературные организации служили «крышей» для революционеров. Джугашвили увлёкся и этим, сам создал социалистический кружок. Начальство догадалось. При прочих отличных оценках он получил двойку по поведению, был исключен из семинарии [23].

Он превратился в профессионального революционера, литературный псевдоним «Коба» стал партийной кличкой. Из теоретиков ему понравился Ленин – у Владимира Ильича, в отличие от других марксистов, все было предельно просто, разложено «по полкам». Именно такой марксизм энергичный Коба считал пригодным в качестве боевой программы. Он заочно признал Ленина «учителем», а лично познакомился в 1905 г. на Таммерфорсской конференции и был в восторге от него. В первой революции Иосиф стал одним из руководителей в Закавказье. А после ее подавления, в отличие от многих товарищей, в эмиграцию удирать не стал, скрывался на родине. Женился, но семейным счастьем наслаждался недолго. Жена Екатерина умерла от тифа, сынок Яков воспитывался у родственников.

У Джугашвили продолжалась типичная жизнь революционера. Аресты, ссылки, побег. За рубежом он бывал редко, выезжал только на партийные съезды. В 1912 г. посетил Ленина, находившегося в Польше. Владимир Ильич в это время яростно боролся с еврейским Бундом, и Джугашвили написал статью, чрезвычайно понравившуюся Ленину, «Марксизм и национальный вопрос». Бундовцы требовали для себя «культурно-национальную автономию» внутри партии и в будущей России. А Джугашвили написал, что у евреев вообще нет нации, поскольку

они не имеют собственной территории, живут в разных странах и разговаривают на разных языках. Под этой статьей впервые появился новый псевдоним – Сталин...

Вскоре его опять арестовали, как хронического беглеца определили в Туруханский край, в заполярное село Курейка. Здесь же с ним очутился другой член ЦК, Яков Свердлов. Но не ужились. Сталин почему-то сторонился товарища по партии, чувствовал к нему отвращение. Хотя вместе пробыли недолго. Свердлов симулировал болезнь, в его защиту подняла шум «общественность», и его перевели в более цивилизованные места, в большое село Монастырское, где он попытался организовать кооператив по скупке у населения пушнины – чтобы перепродавать а Америку брату Вениамину [145]. За Сталина ходатаев не нашлось, и по здоровью он не «косил». Провел три года в Курейке. Близко сошелся с местными жителями, охотился, ловил рыбу.

В 1916 г. на войну стали призывать и ссыльных. Сталин был зачислен в Красноярский запасной полк, но не прошел медицинскую комиссию из-за давней болезни руки. А тут грянул Февраль. Сталин выехал в Петроград. Однако в столичной партийной верхушке верховодили те, кто отработывал зарубежные денежки. Сталина приняли весьма прохладно. Но он был прекрасным организатором-практиком, незаменимым в работе с солдатами и рабочими. Сказалась и его близость с вернувшимся из эмиграции Лениным. Владимир Ильич ценил его именно как верного «ученика», давал ответственные задания. На VI съезде партии, где сам отсутствовал (прятался в Разливе), поручил ему даже сделать главный политический доклад. Хотя троцкисты отнеслись к нему неприязненно. Его попытки доказывать, что хватит ориентироваться на Запад, рассчитывать надо на национальные силы, подняли на смех, объявляли невежеством с точки зрения марксизма. Троцкий навесил ему презрительное прозвище – «философ социализма в одной стране».

Сталин деятельно участвовал в Октябрьской революции, был членом Военно-революционного комитета. Но «кто платил, тот заказывал музыку». Основные портфели и рычаги власти поделили ставленники «мировой закулисы». Сталина протащил в Совнарком (Совет народных комиссаров – большевистское правительство) Ленин. Не доверяя соратникам, хотел иметь там преданного человека, придумал для Иосифа Виссарионовича совершенно неопределенный пост наркома по делам национальностей. Если мы взглянем на плакат тех времен, где изображен состав Совнаркома, то увидим рядом с Лениным фотографии Троцкого и Рыкова, в Сталина – в самом низу, в уголочке [23].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.